

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»
И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

(1918)

«Все как было. Только жизнь прошла», — это тоже слова Бунина... Одно из последних его стихотворений, 1952 года, при яркой изобразительности, вдруг проникается духом максимального приближения к Мыслящему центру вселенной. Поэт чувствует, что они... на равных!

Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).
Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижимый свет
До постели лег.
Никого в подлунной нет,
Только я да Бог.
Знает только он мою
Мертвую печаль,
Ту, что я от всех таю...
Холод, блеск, мистраль.

(1952)

Бунинские стихи не нуждаются ни в моей, ни в чьей-либо еще защите. Но осмелюсь высказать свою точку зрения: 82-летний писатель, нобелевский лауреат, эмигрант, исторгнутый на всю вторую половину жизни из родной стихии, мысленно был, когда подступили к горлу эти стихи, уже в иных сферах, у престола Всевышнего. Один шаг оставался до перехода *туда*, до страшного судилища Христова, до личного бессмертия, в которое он не верил, но жаждал поверить... Вот откуда это «*только я да Бог*»...

Ощущение, что родная поэзия — огромный странноприимный дом, населенный близкими душами, преследовало меня с юных лет. И в ученические годы, и много позже я любила взять в руки томик стихов дорогого мне автора, мысленно задать вопрос по волнующему меня поводу и открыть наугад стихотворение. И вот что удивительно: как правило, ответ попадал в точку. Попробовала сделать это и сейчас... Первый том открылся на странице 450:

...Будущим поэтам, для меня безвестным,
Бог оставит тайну — память обо мне:
Стану их мечтами, стану бестелесным,
Смерти недоступным, — призраком чудесным
В этом парке розовом, в этой тишине.

(10 октября 1917)